

Ксения Игоревна Зацепина

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, aulks@yandex.ru

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД СУДЕБНОЙ СИСТЕМОЙ СССР В 1920-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Аннотация. Автор рассматривает региональную периодическую печать в качестве субъекта общественного контроля над судебной системой Западной Сибири в 1920-е гг. в контексте создания государства нового типа, где суд должен был выражать интересы народа, не отклоняясь от классовой политики. Выявляются особенности и репрезентативность периодической печати при проведении исторического исследования, привлечения ее в качестве исторического источника. На основании происходящих под влиянием государственной политики по отношению к судебным органам изменений, отражающихся в характере и содержании материалов периодической печати, выделяются два периода становления печати как средства контроля. Анализируется характер нарушений и недостатков судебной системы, рассматривается взаимодействие органов периодической печати и судов в ходе проведения служебных расследований. Определяется роль периодических печатных изданий в контроле над судебной системой.

Ключевые слова: Западная Сибирь, судебная система, судопроизводство, периодическая печать, общественный контроль.

Ksenia I. Zatsepina

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, aulks@yandex.ru

PERIODICAL PRESS AS A SUBJECT OF PUBLIC CONTROL OVER THE USSR JUDICIAL SYSTEM IN THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS OF WESTERN SIBERIA)

Abstract. The author considers the regional periodical press as a subject of public control over the judicial system of Western Siberia in the 1920s. The features and role of the periodical press in carrying historical research are viewed. Based on changes in the nature and content of periodical printing materials, two periods of the formation of printing as a means of control are distinguished. The nature of violations and shortcomings of the judicial system are analyzed and the interaction of periodical press bodies and courts in the course of official investigations are examined. The role of periodicals in the control of the judicial system is determined.

Keywords: Western Siberia, judicial system, judicial proceedings, periodical press, public control.

В настоящее время Россия переживает процесс реформирования судебной системы, целью которого является создание эффективной, легитимной системы правосудия, основанной на принципах гласности, состязательности сторон, независимости судей, открытости судебных заседаний.

В ст. 8 действующего ФЗ № 212-ФЗ 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» говорится следующее: «Субъекты общественного контроля по запросам СМИ обязаны предоставлять информацию, предусмотренную законодательством Российской Федерации об общественном контроле» [1]. В советском законодательстве термин «общественный контроль» отсутствовал, но суды информацию о своей деятельности предоставляли. В связи с чем возникает вопрос: являлись ли средства массовой информации (далее – СМИ) в 1920-е гг. субъектами общественного контроля или были средством его осуществления, транслировавшим мнение отдельных советских граждан?

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к историческому опыту, а именно к выявлению роли советской печати в контроле общества над судебной системой в 1920–1930 гг. Хронологические рамки исследования ограничены 1920–1929 гг. и охватывают период новой экономической политики (1921–1929 гг. являются самостоятельным этапом истории советского государства). Нижняя граница 21 октября 1920 г. выбрана ранее начала нэпа, так как в этот день ВЦИК утвердил новое положение о народном суде РСФСР. Становление и модернизация советской судебной системы началась с нэпа – судостроительство стало приводиться к современным для той эпохи требованиям, закладывались принципы, структура и организационные формы судебной системы.

Территориально исследование охватывает Сибирь в административном делении второй половины 1920-х гг. В начале исследуемого периода это Сибирский край, образованный в 1925 г. и вклю-

чавший округа на территории бывших шести сибирских губерний: Омской, Ново-Николаевской, Томской, Алтайской, Енисейской и Иркутской.

Целью является выявление роли периодической печати в контроле над судебной системой в 1920-х гг.

При изучении советского периода развития России периодическая печать является одним из важнейших исторических источников. Несмотря на многочисленные идеологические штампы, при должной критике данный источник отражает общественное мнение. Советская власть была первым в истории политическим и социальным институтом, который должен был базироваться на признании своей общенародной природы. Ее задачей было убеждение населения в своей правоте. Одним из принципов советского права являлся принцип гласности, который обеспечивался освещением в материалах периодической печати деятельности судебных органов: открытых судебных заседаний, эффективности судопроизводства (анализ количества поступивших и рассмотренных дел в судах), критике недостатков деятельности судебных работников и др.

Проблемой является то, публицистика является двойственным историческим источником: с одной стороны, она фиксирует события, которые происходили в момент его появления, а с другой – отражает общественные настроения эпохи. Поскольку в советском обществе государственные средства массовой информации обладали абсолютной монополией не только на информирование населения, но и на трактовку политической ситуации, то в целом они отражали отношение населения к органам государственной власти, в том числе к системе судопроизводства.

Постсоветская историография судебной системы в 1920-е гг. весьма обширна. В диссертации А.В. Бондаренко комплексно исследуется судебная система в условиях нэпа. Автор обосновывает историческую необходимость преобразования отечественной судебной системы, исследует периодические «чистки» судебных органов, что позволяет проследить изменение отношения государства и СМИ к судам [2]. Многие авторы изучают модернизацию судов в отдельных регионах. Так, И.А. Шагин исследует организацию деятельности народных судов Псковской губернии [3], О.И. Филонова, привлекая архивные материалы Новосибирской области, исследует нормативно-правовую базу становления судебной системы, кадровую политику формирования судейского корпуса, взаимодействие судов с органами государственной власти [4]. Работ, непосредственно посвященных роли СМИ в качестве субъекта общественного контроля над судебными

учреждениями, нами не найдено. К тому же исследователи в основном привлекают делопроизводственные и протокольные источники, с позиции вертикали власти – в качестве контролирующего субъекта выступают органы государства. Интересным представляется рассмотрение проблемы под иным углом, «снизу», с позиции СМИ, которые публикуют заметки по обращениям рядовых советских граждан, что определяет новизну исследования. При этом следует отметить исследования Н.С. Зеленкиной [5] и А.М. Панфиловой [6], которые раскрывают особенности периодической печати как исторического источника при изучении истории советского периода, позволяют отбросить идеологические штампы при работе с данным видом источников.

Источниковая база исследования основывается на материалах периодической печати – общественно-политических газетах. К ним относятся «Советская Сибирь», «Красный Алтай», «Красное знамя». «Советская Сибирь» – старейшее печатное издание Новосибирской области, официальная газета Сибревкома и Сибирского ЦК РКП(б), первый номер которой вышел в свет 1 октября 1919 г. С ноября 1919 г. по июнь 1921 г. она издавалась в Омске, затем в Новониколаевске. «Красный Алтай» (выходит с 31 августа 1920 г.) – одно из названий краевой массовой газеты «Алтайская правда» (название появилось 11 октября 1937 г.). Общественно-политическая газета «Красное знамя» выходит в Томске с 1 октября 1921 г. по настоящее время. В газетах выделялись специальные рубрики, посвященные работе судебных органов: «В суде» («Советская Сибирь»), «Из зала суда» («Красный Алтай»), «Суд» («Красное знамя»). Также привлекаются нормативно-распорядительные источники (циркуляры Наркомата юстиции, Верховного суда, Прокуратуры РСФСР, Сибирского краевого суда и прокуратуры, окружного суда) и делопроизводственные материалы, а именно деловая переписка и телеграммы между окружными судами и редакциями газет, доклады окружных судов о взаимодействии с редакциями газет.

Тоталитарное государство предусматривает наличие жесткой цензуры, но в 1920-е гг. только начинала складываться система политического контроля над СМИ, идеологический пресс при этом не был таким всеобъемлющим, как в 1930-е гг. Это позволяет более объемно представить общественные настроения. При этом анализ газет требует не только внимательного их прочтения, но и своеобразного «перевода» политической лексики тех лет. В целом периодическая печать 1920-х гг.

может быть рассмотрена в качестве исторического источника, реализующего принцип гласности судопроизводства, выполняющего задачу создать народный суд – открытый для критики со стороны населения.

Так, низовой ячейкой в системе судопроизводства СССР в 1920-е гг. являлся народный суд, который выступал в качестве проводника политики государства, средства проведения ее классовой политики. Классовая линия в свою очередь призвана была выражать интересы народных масс, прежде всего беднейшего крестьянства, батраков, рабочих [7, л. 3]. Исходя из этого, государство постепенно расширяло сеть органов периодической печати, которые на страницах своих изданий освещали недочеты и перегибы в работе органов юстиции.

Анализ материалов периодической печати позволил автору предложить деление изучаемого периода на два этапа:

1. 1920–1924 гг. – период просветительских публикаций;

2. 1925–1930 гг. – период критики судебных органов.

Среди публикаций первого этапа можно тематически выделить заметки о судебных делах и разъяснительные публикации о функционировании судебных органов. Судебные дела, освещаемые СМИ, касались различных преступлений. Широкой огласке придавались оскорбления, например судебный исполнитель с Тюменцевское Каменского уезда в состоянии опьянения угрожал расстрелять «как собаку» политкома, который, исходя из его должности, являлся ответственным работником. Данные действия были расценены как подрывающие авторитет советской власти, но в связи с раскаянием подсудимого суд вынес в его отношении наказание в виде условного срока с отстранением от должности [8, с. 3]. Проблемой правоохранительных органов являлось огромное количество дел, связанных с самогонованием. В обзоре деятельности народных судов по материалам Инструкторско-ревизионного отделения и кассационных отделений Губернского суда (далее – Губсуда) г. Томска указывалось, что за октябрь–декабрь 1924 г. более половины подсудимых (57 %) были осуждены за хозяйственные преступления, в основном «самогонные дела». Среди таких нарушителей закона были и работники правоохранительных органов [9, с. 2]. Общественному порицанию были представлены также дела, связанные с прохождением военной службы. Так, в заметке «Помог фронту» вскрывались факты дачи взятки врачам с целью признания негодными для прохождения военной службы по состоянию здоровья [10, с. 4]. В статье «Храбрый вояка» рассматривалось

дело о дезертирстве с фронта во время Гражданской войны. Присутствовали и факты сокрытия службы в белогвардейской армии. Например, бывший офицер-белогвардеец долгое время скрывал данный факт и работал в госпитале, где его нашел зоркий «крестьянский глаз» [11, с. 3]. СМИ освещали также такие преступления, как скупка конфискованного имущества, хищение государственного имущества [12, с. 2], взяточничество (в с. Покровское подсудимому лесному объездчику дали взятку за укрытый лес) [13, с. 2; 14, с. 3], злоупотребление служебным положением. Примером последнего являлось уголовное дело в отношении милиционера, который в состоянии алкогольного опьянения вначале угрожал оружием, а потом без оснований арестовал священника. Преступления на бытовой почве практически не освещались [7, с. 3; 15, с. 2]. На страницах газет можно встретить аргументы применения упрощенного порядка разбора дел о хищениях, так как «...присутствует необходимость для быстроты рассмотрения». Такой порядок применялся лишь в случае «наличия неопровержимых доказательств» и с предварительным «установлением социального происхождения подсудимого» [12, с. 2]. В случае если подозреваемый признавал свою вину и относился к «враждебным элементам», то в отношении него мог применяться упрощенный порядок судопроизводства. О преступлениях «классовых врагов» публикации более объемные, в них подробно анализируются уголовные дела и резко критикуются подсудимые. Широкий общественный резонанс приобрели следующие дела: в с. Павловске был приговорен к расстрелу сотрудник сельской самоохранны, который выдавал во время Гражданской войны «белым» своих односельчан – коммунистов [16, с. 3]; кулак Паков, бывший личным дворянином, не регистрировал наемного работника, содержал постоянный двор [17, с. 3].

На страницах газеты «Красный Алтай» можно ознакомиться с материалами недельного Съезда работников юстиции Алтайской губернии (январь 1924 г.), которые поднимали актуальные проблемы судебных органов: развитие подпольной адвокатуры; рост детской преступности и самогонования [18, с. 1; 19, с. 3]. Также имелись информационные заметки, например о создании дежурных камер народного суда в уездах при губоюстах, где будут слушаться дела, по которым не требуется особого расследования (в г. Барнауле – ул. Партизанская, 106, г. Камне и г. Змеиногорске при убоюстах) [20, с. 2].

Таким образом, СМИ обеспечивали реализацию принципа гласности, вынося «на суд» общественного мнения судебные процессы, отражающие наиболее глубокие социальные проблемы».

При этом большинство публикаций посвящалось судебным решениям по различным категориям преступлений, главным образом взяточничестве, злоупотреблении служебным положением, самогоноварении, а не отчетам или информационным справкам, а значит, суды отчетную информацию СМИ в данный период не предоставляли. В период 1920–1924 гг. практически отсутствовала критика на страницах периодических печатных изданий в отношении судебных работников и работников правоохранительных органов. СМИ выступало в своем истинном качестве – канала передачи информации, а не субъекта общественного контроля.

В период с 1925 по 1930 г. роль периодической печати в государстве и обществе возрастала, усиливалась критика судебного аппарата на страницах сибирских газет. Это обстоятельство обусловлено в первую очередь государственной политикой по усилению классового подхода. Как отмечает И.А. Шагин, еще в 1924 г. НКЮ РСФСР циркуляром от 15 апреля 1924 г. уточнял, что «удалению в первую очередь подлежат те народные судьи, которые проявили в своей деятельности непоследовательность к проведению правильной классовой политики» [3, с. 107].

О.И. Филонова справедливо отмечает, что УК РСФСР 1926 г. предусматривал два подхода к назначению наказания: для преступлений, направленных против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка, устанавливался низший предел наказания, не подлежащий понижению судом; для всех остальных преступлений был установлен высший предел определявшегося судом наказания [4, с. 22]. Соответственно, те судьи, которые не придерживались классовой линии, судили иначе – с подачи государства подвергались критике, в том числе в СМИ.

Как отмечалось в докладе Округного суда (далее – Окрсуда) г. Томска «О критике судебного аппарата печатью в 1928–1929 гг.», для советской юстиции печать являлась выразительницей общественного мнения и помогала «...бороться с такими пороками, как волокита, бюрократизм, ошибки в судебной работе» [21, л. 624]. Перед Окрсудом г. Томска была поставлена задача: наладить учет газетных заметок, обличающих деятельность органов юстиции для своевременного устранения недостатков. В докладе приводится статистика: по количеству заметок «Красное знамя» стоит на первом месте по краю (2-3 заметки выходят ежедневно). С 1 января 1928 г. по май 1929 г. было 100 заметок, тогда как в «Советской Сибири» (г. Новосибирск) и «Сельской Правде» (современная Томская область) – по 1 заметке.

По характеру заметок и самих названий можно говорить о вопиющих фактах судебной волокиты (60 % заметок содержат на это прямое указание). Заголовки весьма критичны и красноречивы: «Истрепали нервы и обувь», «Заявление плавает в судебных канцеляриях», «Судебная волокита на руку кулаку», «Дело Чернильщиков маринуется», «Старик умер, не дождавшись судебной волокиты» и др.

Неправильным судебным действиям посвящались 34 % публикаций, такие как «Художества судебных работников», «За что боролись», «Лихторович не только бюрократ, но и пьяница», «Зырянские дикари», «Еще один Соломон», «Взяточники в Зырянском суде», «12 полбутылок и 16 шкаликов» и др., лишь 6 % публикаций указывали на различные иные недочеты. Критиковалась работа примирительной камеры: Муж изменил жене с женщиной, работающей школьным сторожем, М., в школьной сторожке. Жена выбила окна. Результат: муж выплатил 10 руб. штраф за разврат жизни; М. была приговорена к увольнению, с заменой на принудительные работы, так как у нее были маленькие дети, а жена была признана невиновной, так как она выбила окна в школе «на почве ревности». Как отмечал автор публикации, за измену привлекать к уголовной ответственности могут только «ижморские мудрецы» [22, с. 3]. Недостатки финансирования камер народных судов также придавались огласке СМИ: «...в селе Поломошном (12 уч.) судья и ее сотрудники занимаются в шубах, а ночью в канцелярии чернила замерзают. Давно уже разломали печь. Канцелярию судья перенесла в квартиру» [23, с. 3].

Как говорилось в «Докладе...»: «...качество работы органов юстиции ощущается массами в части темпа работы, быстроты исполнения требований к аппарату, что, по сути, и является волокитой» [21, л. 625].

По фактам обличающих публикаций Окрсуд направлял запросы на места, а суды были обязаны реагировать. Это демонстрирует процесс взаимодействия СМИ и судебных учреждений: СМИ, проводя политику гласности, выносили на общественное обсуждение недостатки функционирования народных судов, их пороки и даже преступные действия, а также Окрсуды реагировали на заметки, проводили расследования, устраняли нарушения в случаях их подтверждения и направляли в печатные издания письма по результатам устраненных нарушений и предпринятых мер.

Служебные расследования проводились по каждой газетной публикации. Приведем некоторые результаты:

1. По заметке «Вы прочтите, как нарсудья Кузьмина говорил “приходите завтра” крестьянам, приезжающим за десятки верст». В результате рассле-

дования было установлено, что это имело место не только со стороны судьи, но и секретаря суда, за что те были уволены.

2. Медленность действий судебного исполнителя по заметке «Судисполнитель работает слабо» была обусловлена его малоопытностью, а не халатностью.

3. По заметке «Судисполнитель, раскайся» был установлен факт халатности, из-за которого гражданка вовремя не получила деньги, а исполнителю это было поставлено «на вид».

В большей своей части факты подтверждались, но, как отмечал Окрсуд, «совершались не злостно, в независимости от воли работника юстиции» [21, л. 626]. Так, в заметках «Никак не дождемся судисполнителя», «Судебная волокита на руку кулаку» причиной волокиты было то, что сотрудникам вовремя не выделили деньги на путевые расходы. По заметке «В нарсуде 21-го участка волокитят» было установлено, что заседание долго не назначалось, так как нужно было получать запрошенные сведения из другого города.

Газетные публикации приносили положительный эффект и заставляли задуматься сотрудников юстиции, усиливали чувство ответственности, ускоряли производство, усиливали концентрацию внимания на своей работе.

Невнимательное отношение и грубость к истцам были отмечены в ряде заметок. Например, «Что ты привязался ко мне, почище тебя дела есть» – ответ судисполнителя. После расследования сотруднику было вынесено административное взыскание. По заметке «Истрепали нервы и обувь» на секретаря, выдавшего неверную справку и предоставившего неверную информацию, в результате чего дело было затянато, был наложен выговор. Были и факты увольнения, за бюрократические проволочки были уволены судьи 13-го участка Ишимского района и Тагинского участка.

Окрсуд Томского округа отмечал, что многие факты нарушения остались бы неизвестными, если бы не освещались на страницах газет, которые выступали в качестве «острого и ценного» инструмента самокритики. Но отмечались и «ненормальности» во взаимоотношениях печати и судебных органов, которые выражались в «отсутствии увязки работы, контакта и внимания печати к результатам газетных заметок». Вскрывались якобы недочеты в довольно красочной, яркой, картинной форме, с требованием предать суду виновников, тогда как расследование показывало, что сотрудники не всегда были виновными, а репутация их при этом страдала. По утверждению Окрсуда, опровергающий материал и результаты расследования затем газета, «как правило, не публиковала» [21, л. 626].

Во многом благодаря периодической печати к 1929 г. были установлены более жесткие требования к соблюдению трудовой дисциплины. Окрсуд в очередном докладе отмечал, ссылаясь на постановление СНК от 5.03.1929 г. и циркулярное письмо от 15.03.1929 г. № 33, где предложено было всем органам обеспечить твердую линию борьбы с нарушениями трудовой дисциплины, что сами судебные органы еще были подвержены пагубным нарушениям, которыми «пестрит» периодическая печать [24, л. 348].

К концу 1920-х гг. на фоне общего обострения классовой борьбы в СССР суды должны были придерживаться четкой классовой линии. Об этом судам напоминала и периодическая печать. Публикации 1928–1929 гг. пестрили заметками об отклонении судебных органов от классовой линии. Так, в статьях отмечалось, что «... конфликтные дела батраков с кулаками валяются без движения целыми месяцами, а иногда и вовсе теряются. Ряд лиц, осужденных на принудительные работы, за непривлечением к ответственности остаются безнаказанными. Пивоварение и шинканство... Хулиганы бьют окна, мажут ворота, срывают спектакли. Народный суд все судебные процессы разбирает в кабинете председателя РИКа» [25, с. 2]. Суды критиковались с точки зрения отклонения от классовой линии, призванной защищать интересы своей социальной опоры в деревне: бедняков и батраков; нарушения принципа независимости суда, так как принимали решения совместно РИКом, медленным исполнением производством после принятия судебного решения. На страницах печати освещалась проблема юридической грамотности среди батрачества, которые не знали основных правил «по найму» и способов защиты своих прав, как следствие «работали за гроши» и без договоров [26, с. 2]. При этом проведение просветительских лекций и бесед являлось прямой обязанностью судебных работников. Как видно, с данной задачей судебные органы не справлялись. Ярким примером «засилья кулака» являлись материалы заметки «Политическая близорукость»: суд не принял заявления от РИКа о кулаке, от которого страдал весь Кривошеинский район [27, с. 3]. Приводятся и статистические данные по отходу от классовой линии: в нарсудах разрешено батрацких дел в течение месяца 12 %, а гражданских – 43,5 %, при этом среди ответчиков 28 % кулаков. Так ведь дела еще и прекращали (примерно 17 %) [28, с. 2].

Встречались и факты, когда сам судья являлся в прошлом противником большевиков. В материалах заметки в газете «Красное знамя» от 19 января 1929 г. автор пишет, что «судья Дыбин врал» про

свое революционное прошлое и до вступления в партию высказывался за контрреволюционные выступления в армии. Во время допроса он не мог назвать причину своего ареста в 1920 г. По вверенным ему делам «защищал интересы кулака» [29, с. 2; 12, с. 3]. Встречались и факты эксплуатации судьями своих работников, демонстрирующие классовые пережитки в поведении судебных работников. Так, судья Метелкин в качестве прислуги завел Симоненко – деревенскую девушку, которая работала по 16-17 часов в сутки без трудового договора и для отдыха «не имела даже кровати» [19, с. 2].

В периодической печати есть и заметки, свидетельствовавшие о явном аморальном поведении судебных работников. Так, судья перед процессом распивал с защитником спиртные напитки, а после преступники приговорены были по более мягкой статье [30, с. 4], а другой в состоянии опьянения с секретарем и гармошкой распевал песни на улице [31, с. 2]. Был освещен факт систематической задержки денежных средств истцам, которые брали «в долги» сотрудники юстиции: помощник прокурора, председатель РИКа, зам председателя РИКа, начальник РАО и следователь.

Таким образом, в период 1925–1930 гг. характер газетных статей резко меняется, по сравнению с предшествующим периодом. СМИ вскрывали различные грубые нарушения со стороны судебных работников: намеренное затягивание судопроизводства (волокита), большое количество приостановленных дел, неверная классовая политика в рассмотрении дел, где истцами и потерпевшими являлись бедняки и батраки, взяточничество, амо-

ральное поведение судебных работников (пьянство, грубость), эксплуатация наемных работников судебными работниками.

Подводя итоги исследования, делаем вывод, что советская печать напрямую не являлась субъектом контроля общества над судебными органами, поскольку:

1) находясь под действием Декрета «О печати», газеты и журналы долгое время были значительно ограничены в своей свободе, выступая лишь средством идеологической пропаганды и правового просвещения (до 1925 г.);

2) даже в период с 1925 по 1930 г. в газетах и журналах печатались статьи по письмам читателей, из чего можно сделать вывод, что субъектами контроля являлись сами граждане, так как именно они выступали инициаторами публикаций;

3) периодическая печать играла значительную роль, хоть только и транслировала общественное мнение, но при этом стимулировала судебный аппарат в устранении проблем и недочетов его функционирования.

Однако, несмотря на данные доводы, анализ статей периодических изданий показывает, что непосредственную подготовку печатного материала, а именно поиск, анализ и обобщение жалоб граждан, а также проведение собственных журналистских расследований, осуществляли именно органы советской печати. Это все же позволяет отнести советские газеты и журналы к опосредованным субъектам осуществления общественного контроля, роль которого справедливо высоко оценивается судебными органами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон, принят 21.07.2014, № 212-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 11.11.2021).
2. Бондаренко А. В. Судебная система РСФСР в условиях НЭПа: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 20 с.
3. Шагин И. А. Народные суды Псковской губернии в 1917–1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 217 с.
4. Филонова О. И. Модернизация судебной системы РСФСР в период нэпа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 39 с.
5. Зеликина Н. С. Советская периодическая печать 1920-х гг. и общественное мнение: вопросы истории и источниковедения // Приоритетные направления: от теории к практике. 2014. № 11. С. 26–31.
6. Панфилова А. М. Советская периодическая печать как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1975. 59 с.
7. Приказы, циркуляры НКЮ, губсуда, дислокация судебных районов Томской губернии // ГАТО. ФР. 117. Оп. 1. Ед. хр. 9.
8. Наш суд // Красный Алтай. 1920. 23 октября.
9. Народный суд // Красный Алтай. 1920. 5 сентября.
10. За уклонение от всеобщего // Красный Алтай. 1923. 18 марта.
11. Наш суд // Красный Алтай. 1920. 26 сентября.
12. О суде над расхитителями // Красный Алтай. 1921. 17 июля.
13. Из зала суда. Дело о взятках // Красный Алтай. 1924. 25 января.
14. Из зала суда. Дело трех врачей // Красный Алтай. 1924. 9 января.
15. Народный суд // Красный Алтай. 1920. 4 сентября.
16. Сказалась голубая кровь // Красный Алтай. 1923. 24 февраля.
17. Оборотни // Красный Алтай. 1921. 11 июля.

18. Со съезда судработников Алтайской губернии // Красный Алтай. 1924. 4 января.
19. Художества судебных работников // Красное знамя. 1928. 21 сентября (№ 221).
20. Дежурные камеры народного суда // Красный Алтай. 1920. 14 июля.
21. Документы о проверке информации периодической печати о нарушениях в работе судебных органов (доклады, сведения, акты, переписка, статьи, заметки) // ГАТО. ФР. 224. Оп. 1. Ед. хр. 129.
22. Соломоновские мудрецы // Красное знамя. 1929. 4 августа (№ 176).
23. Ремонт начали, а окончить не могут // Красное знамя. 1928. 16 ноября (№ 226).
24. Цирюляры Наркомата юстиции, Верховного суда, Прокуратуры РСФСР, Сибирского краевого суда и прокуратуры, окружного суда // ГАТО. ФР. 224. Оп. 1. Ед. хр. 121.
25. Почему было просторно кулаку в Вороновском районе // Красное знамя. 1929. 20 января (№ 16).
26. Разъяснить батракам советские законы // Красное знамя. 1929. 4 января (№ 2).
27. Политическая близорукость // Красное знамя. 1928. 10 сентября (№ 236).
28. Народные суды 19 и 16 участков извратили классовую линию в защите прав батрачества // Красное знамя. 1928. 5 июля (№ 282).
29. Лазутчики классового врага // Красное знамя. 1929. 3 августа (№ 175).
30. 12 полбутылок и 16 шкаликов // Красное знамя. 1928. 10 сентября (№ 236).
31. Художества судебных работников // Красное знамя. 21 сентября (№ 221).

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 17.06.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 16.04.2022; accepted for publication 17.06.2022.